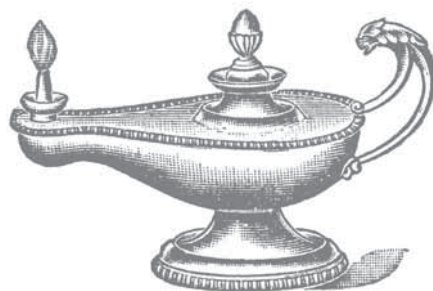

СТРАТЕГИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В. С. Ефимов, А. В. Лаптева

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Проведен анализ глобальных демографических, политико-социальных, экономико-технологических и культурных изменений, которые будут определять трансформацию сферы образования во многих странах мира. Выделены тенденции и факторы, способные определять изменения в российском образовании в ближайшие 20–30 лет. Ключевым фактором изменений является завершение проекта «Просвещение» («Человек знающий»), который обеспечивал процессы индустриализации и урбанизации в развитых странах мира и был основой массовых образовательных практик. Обсуждаются возможность появления новых социально-антропологических проектов и трансформация систем образования. Рассмотрены сценарные варианты развития высшего образования в России, сформулированы возможные позиции федеральных и национальных исследовательских университетов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: высшее образование, постиндустриальный переход, кризис образования, социально-антропологический проект; федеральные и национальные исследовательские университеты.

V. S. Efimov, A. V. Lapteva

Higher education in Russia: challenges of XXI century

The analysis of global demographic, politico-social, economic-technological and cultural changes which will define education sphere transformation in many countries of the world is carried out. Tendencies and the factors, capable to define change in Russian formations the next 20–30 years are allocated. The key factor of changes is end of the Enlightenment project («Knowing man») which provided processes of industrialization and urbanization in the developed countries of the world and was the basis of mass educational practices.

Possibility of occurrence of new socially-anthropological projects and corresponding transformation of education systems is discussed. Scenario variants of development of higher education in Russia are considered, possible positions of federal and national research universities are formulated.

К e y w o r d s: higher education, post-industrial transition, the crisis of education, socio-anthropological project, federal and national research universities.

Меняющийся мир и образование

На рубеже XX–XXI вв. высшая школа в России вошла в ситуацию «высокой неопределенности». С одной стороны, демонтирована система идеологизированного, нацеленного на обслуживание индустриального производства советского образования. С другой стороны, не выстроены содержание и форматы нового образования, которое бы в новой ситуации решало за-

дачи развития человека и общества. Происходит переоценка значимости образования, его места в системе общественного воспроизводства.

Кризис высшей школы не является исключительной особенностью России; считается, что он имеет общецивилизационную природу, связан с «фазовым сдвигом» (постиндустриальным переходом), и все развитые страны с той или иной степенью остроты его переживают [1, 16]. Разрушилась сама основа, на которой строилось

образование — образ человека, сформировавшийся в XVII–XX вв. в западном мире, тот социально-антропологический проект, который задавал осмысленность и направленность образования.

Это проявляется в размывании функций образовательных институтов — «образовательные события индивидуальности» уходят из стен школ и университетов, а последние начинают превращаться в «образовательные супермаркеты» или социально-дисциплинарные учреждения. Образование человека, как оформление индивидуального «культурно-ценностного ядра» [6], формирование базовых интеллектуальных функций (мышления, понимания, рефлексии, коммуникации) [25], ситуации «перформативного существования» [23] происходят в новых коммуникативно-креативных институциях [17].

Эти феномены уже схвачены общественным сознанием и становятся предметом общественного дискурса, но их осмысление еще не стало основанием для выработки и принятия стратегических решений [10, 11].

В последние десятилетия в мире и в России произошли значительные политико-социальные и экономико-технологические трансформации: 1) в группе технологически и экономически лидирующих стран осуществился переход от технологий, жизненных укладов и идеалов индустриального общества к новым, которые соответствуют возможностям и вызовам постиндустриальной эпохи; 2) обнаружены пределы развития монополярного мира и соответствующей модели глобализации, для которых характерны доминирование небольшой группы стран в военно-политической, финансовой сферах, производстве и торговле, культурная «оккупация» (навязывание ценностей, стилей жизни и форматов потребления); 3) потерпел крушение великий социально-политический эксперимент — создание социалистического государства и начато построение «российского капитализма».

Институт высшей школы, просуществовавший в своей классической форме 200 лет, в последние 30–50 лет претерпевает значительные изменения. В большинстве стран значительно сократилось финансирование высшего образования за счет государственного и региональных бюджетов и значительно возросла доля платного образования [5]. Образование постепенно перестает быть государственным (национальным) проектом и переходит в сферу инициативы и ответственности соответствующего бизнеса и самого человека.

Произошли значительные изменения в содержании и технологиях образования в развитых странах¹, получили распространение технологии, опирающиеся на собственную образовательную активность человека, а в экономике сформировалось новое понятие — «образовательный кредит». Образование перестало приобщать к «сакральным знаниям», открывающим доступ в высокий мир интеллектуалов, но стало всего лишь одним из видов услуг — образовательными услугами — наряду с услугами торговых агентов, водителей или визажистов. Многие университеты утратили свой исключительный статус храмов познания и превратились в супермаркеты образовательных услуг.

С другой стороны, образование вышло за национальные границы и стало важным инструментом международного влияния и значительным сектором международного бизнеса. Страны с успешной экономикой и развитой сферой образования получили возможность аккумулировать у себя лучшие интеллектуальные ресурсы через отбор талантливой молодежи.

Сложность и противоречивость культурных, социальных и экономических процессов породила серию реформ в сфере образования в различных странах мира. При этом в России реформы образования в большинстве случаев имели административно-бюрократический характер.

Перечисленные изменения оказывают непосредственное влияние на содержание общественного дискурса в отношении настоящего и будущего университетского образования. Понимание глубины и масштабов происходящих процессов является необходимой основой модернизации страны и выработки адекватной стратегии развития российского образования. Остается открытым вопрос о будущей модели российского высшего образования, о реализуемом через образование социально-антропологическом проекте. Правильный ответ на него — это шанс для российского образования и страны в целом.

¹ В России эти изменения пока остаются предметом обсуждения и/или грубых имитаций, включая переход к двухступенчатой системе обучения (бакалавриат и магистратура), введение кредитно-модульной системы, массовой практики академической мобильности студентов и преподавателей, требований открытости образования и участия общества в управлении образованием.

Демографические, экономические, культурные процессы: глобальная «карта» образования

В ближайшие 20 лет население планеты увеличится на 1,2 млрд человек [13], избыточное молодое население будет формироваться в первую очередь в экономически слаборазвитых странах. В этих странах за счет распространения современных стандартов гигиены и первичной медицинской помощи будет снижена детская смертность, при этом не будут решены вопросы регулирования рождаемости.

К 2025 г. дефицит чистой воды и продуктов питания будут испытывать 1,4 млрд человек, проживающих в 36 странах. Ухудшения жизненных условий и избыточность трудовых ресурсов в одних макрорегионах мира (страны Африки, Ближнего Востока и Кавказского региона) и их дефицит в других (страны Европейского союза, Россия и др.) сформируют глобальные потоки мигрантов.

Масштабные трансформации, обусловленные демографическими и миграционными процессами, станут мощным фоном для изменений в образовании и особенно в высшей школе. Страны со «старееющим» населением могут компенсировать дефицит трудовых ресурсов за счет молодых, активных мигрантов, но при этом получают риск «импорта» бедности, преступности, социальных и межэтнических конфликтов. Перед образованием будут поставлены новые задачи социализации и инкультурации мигрантов, формирования в обществе новых стратегий общежития, кооперации, толерантности, разрешения конфликтов.

Глобальная ситуация в общем и высшем образовании определяется тем фактом, что различные макрорегионы находятся на разных стадиях социально-экономического развития и одновременно испытывают влияние глобальных демографических, экономических и культурных процессов. Ряд стран Африки, Азии, Латинской Америки находятся в доиндустриальной фазе и для них будет актуальным формирование массовой первичной грамотности населения, обеспечивающей: 1) снижение демографической и межэтнической напряженности; 2) укрепление национальных экономик и повышение занятости населения; 3) включение в мировые процессы производства и потребления; 4) получение доступа к новым технологиям и оборудованию.

В формирующихся новых глобальных центрах индустриального производства (Китай, Ин-

дия, Бразилия, страны Юго-Восточной Азии — ЮВА) в ближайшие 10–20 лет будут развернуты системы образования, соответствующие фазе быстрого индустриального развития и связанных с ним процессов урбанизации, роста общего благосостояния населения и формирования внутренних рынков потребления. Важно, что правительства данных стран нацелены на достижение регионального лидерства в высшем образовании и экспорт профессионального образования.

В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), будут формироваться системы образования, обеспечивающие долгосрочное социально-экономическое и политико-технологическое преимущество в условиях постиндустриального перехода. Их системы образования будут ориентированы в первую очередь на управленческие и инновационно-технологические виды деятельности и на формирование глобального «интеллектуального насоса», обеспечивающего приток талантливых, высокообразованных мигрантов и позволяющего концентрировать в этих странах интеллектуальный капитал самого высокого качества.

Таким образом, в ближайшие 20 лет на базе экономических макрорегионов будут разворачиваться различные социально-антропологические проекты и будут сформированы обеспечивающие их реализацию системы образования. При этом усилится конкуренция между странами-лидерами.

Одновременно на фоне межцивилизационной конкуренции и связанных с этим напряжений будет происходить оформление образовательных ареалов, в основе которых будет лежать единство (родственность) языков и культур. Само формирование образовательных ареалов будет остро конкурентным процессом и станет новой фазой передела мира. По прогнозу ООН [28], в экономически неразвитых странах Африки развитыми странами мира будет реализован проект глобального ликбеза, который приведет к их культурной оккупации и обеспечит последующее включение ресурсов этих стран в оборот европейско-американского сотрудничества.

Наиболее мощными образовательными ареалами будут англо-западный, китайский, испано-латиноамериканский, арабо-исламский. В каждом образовательном ареале будет страна-лидер (или группа стран), экспортирующая высшее образование. На процессы формирования образовательных ареалов будут накладываться процессы глобализации знания и распространения образовательных технологий нового

поколения (дистантное образование, открытое образование и др.).

Для России крайне важной задачей будет формирование русскоязычного образовательного ареала на основе распространения русского языка и установление традиционных социально-экономических связей со странами Азии и Кавказа (бывшими республиками Советского Союза). В данных странах будет наблюдаться значительный прирост молодого населения, что делает для них актуальной трудовую и образовательную миграцию.

Кризис социально-антропологического проекта «Просвещение» («Человек знающий»)

Трансформации высшей школы в конце XX — начале XXI столетия не могут быть поняты вне важнейшего исторического события — «завершения» масштабного социально-антропологического проекта «Просвещение»², реализация которого привела к формированию западной технической цивилизации.

В. М. Розин [19] выделяет три фазы развертывания данного проекта: первая фаза связана с распространением в Европе в XVI–XVII вв. идей Ф. Бэкона о том, что различие между развитыми и «дикими» народами происходит «не от почвы и не от климата, а прежде всего от наук и искусств» [3], а это сделало значимым тезис «знание — сила» и стало основанием для становления европейской науки и инженерии в качестве основы социально-экономического развития. В эпоху Просвещения — основную фазу проекта — создаются условия для распространения данного мировоззрения, формируются системы научных и учебных предметов, создается массовая образовательная практика, включая массовую школу (Я. А. Коменский) и систему вузовского образования (В. фон Гумбольдт). Успешное осуществление в развитых странах проекта «Просвещение» знаменует собой индустриальный переход и рождение техногенной цивилизации.

В финальной фазе проекта «Просвещение» (вторая половина XIX — первая половина XX в.) наблюдается пик высокотехнологичного индустриального развития, решается задача обеспече-

ния растущих потребностей населения и формируется общество благосостояния. В этот исторический период ценность образования становится очевидной для больших групп населения, образование превращается в мощный механизм продвижения к материальному благополучию и повышению социального статуса индивида (образование выполняет функцию «социального лифта»). В этот период формируется особый слой профессиональных педагогов — учителей школ и преподавателей вузов.

Успешность реализации проекта обусловлена синхронизацией четырех взаимосвязанных процессов: 1) формирования масштабного индустриального производства и, соответственно, социального заказа на подготовку рабочих и инженерно-технических специалистов; 2) ускоренного демографического роста, обусловленного ростом благосостояния и снижением смертности; 3) мощных урбанизационных процессов и необходимости «культурной переработки» сельского населения в жителей крупных индустриальных центров, способных включаться в конвейерно-организованную деятельность; 4) процесса распространения идей Просвещения и создания на их основе массовых образовательных практик.

Проект «Просвещение» (в философской и научной литературе он также обсуждается как метапроект «Модерн» [15]) был полностью реализован и исчерпал себя в странах с развитой экономикой и высоким уровнем благосостояния к концу XX в. В этот период в развитых странах начал формироваться целый пакет модернизационных практик (обычно они обозначаются как «экономика знаний», «инновационная экономика», «креативные индустрии»), которые легли в основу перехода к социально-антропологическим проектам постиндустриальной эпохи.

Особенности социально-экономического контекста существования высшей школы в России

Особенность ситуации России состоит в том, что модернизационный проект «Перестройка» 80–90-х гг. прошлого столетия в значительной степени затормозил социально-экономическое развитие страны и вернул ее в период раннеиндустриального развития с преобладанием низкотехнологичной, ресурсодобывающей экономики. Одновременно был ликвидирован феномен товарного дефицита и внедрены ценности и установки

² Обобщенное название проекта, который обеспечил социально-антропологический, технологический и экономический прорыв европейской цивилизации в XVI–XX вв.

общества потребления, реализация которых в России основана на экспортной продаже природных ресурсов. Это привело к значительному расширению сектора торговли и услуг и формированию потребности в персонале, владеющем простыми «операторскими» квалификациями. При этом существовавшая система образования, рассчитанная на кадровое и управленческое обеспечение средне- и высокотехнологичных производств, оказалась избыточной в условиях сжатия экономики и фактической ликвидации целых секторов высокотехнологичного производства (машиностроения, приборостроения и др.).

Вхождение в мировое информационно-культурное пространство, рост доходов как результат роста мировых цен на углеводородные ресурсы и металлы сделали значимыми в обществе (особенно среди молодежи) ценности общества потребления и образовательные установки, характерные для информационного общества. Сформировался разрыв между жизненными ориентациями молодежи на постиндустриальные форматы деятельности, стили жизни и существующими в стране возможностями получения соответствующего образования и реализации профессиональной карьеры.

Сложившаяся в последние 20 лет новая мировая конфигурация индустриального и постиндустриального производства — усилившееся технологическое лидерство стран Европы, США и Японии; высокая эффективность индустриального производства в Китае, Индии, Бразилии и странах ЮВА — существенно ограничивают возможности России. Увеличилось и закрепилось технологическое отставание России от стран Запада; стало практически невозможным возрождение средне- и высокотехнологичного индустриального производства в силу его неконкурентоспособности с индустриальным производством в Китае и Индии.

В результате этого в системе российского образования сложилась следующая ситуация: а) система образования по инерции ориентирована на подготовку кадров для полномасштабной индустриальной экономики с полным набором инженерно-технических специальностей; б) установки «модернизаторов образования» замкнуты на идею интеграции в западные образовательные форматы, которые были сформированы для других социальных и экономических условий; в) система подготовки управленческих кадров фактически разрушена и вытеснена импортом образовательных услуг (обучением политической и управленческой элиты за рубежом) и импортом

программ управленческого образования (МВА, МРА и др.)³.

Контурь новых социально-антропологических проектов

Важной особенностью эпохи постмодерна (характерной в первую очередь для развитых стран) является «разрушение культуры» [9], которая в ситуации тотальной рефлексии культурных ценностей и норм теряет свою функцию нормирования общества и «крепления человека». Рефлексия как новая массовая компетенция, выработанная в недрах образования и массовых интеллектуальных практик, сделала относительными ценности, которые ранее полагались абсолютной основой для жизни и деятельности человека и общества. Наряду с этим сформировались массовые практики производства симулякров и практик абилей [2] (маркетинг и реклама, политический PR, современное искусство, виртуальная реальность — Интернет) как средства манипуляции массовым и индивидуальным сознанием.

Это делает невозможным реализацию одного масштабного социально-антропологического проекта с высоким ценностным статусом и порождает ситуацию разворачивания даже в рамках одной страны нескольких конкурирующих и дополняющих друг друга локальных проектов. Анализ социально-культурной и образовательной действительности позволяет выделить следующие социально-антропологические проекты, определяющие направления модернизации образования:

- в странах новой индустриализации социально-антропологическим проектом становится «Человек функциональный» — человек, способный выполнять определенные функции, готовый включаться в индустриальное производство и осваивать городской образ жизни;
- в странах с постиндустриальным укладом — это социально-антропологические проекты «Человек креативный», «Человек мобильный», «Человек-оператор»; они будут обеспечивать научно-технологическое лидерство данных стран, способность к быстрым модернизационным изме-

³ Университеты, в которых не внедрены международные образовательные программы МВА, МРА, не пользуются популярностью у российской элиты. В целом содержание управленческого образования в России составляет, как правило, эклектичный набор из большого количества формально-знаниевого материала и фрагментов западных курсов. В большинстве университетов даже не ставится вопрос о формировании управленческого мышления, фактически они имитируют образовательный процесс.

нениям для одних групп населения и возможность трудоустройства других групп населения на «операторские» места в секторы услуг и обеспечивающих производств.

Данные социально-антропологические проекты будут в значительной степени определять содержание и форматы образования в мире в ближайшие 20 лет.

Среди множества антропологических проектов есть также консервативные проекты («не признающие» свой проектный характер) — например, антропологические практики ислама, выходящие за рамки религиозных и «выливающиеся» в образование. Своеобразный антропологический проект может быть реализован в Японии, собирающей традиционные ценности мастерства, совершенства, дисциплины и новые ценности высокотехнологичной деятельности и креативности. Сильной стороной данных проектов, в сравнении с проектами «Человек-оператор», «Человек мобильный», «Человек креативный», является наличие трансцендентных установок и ограниченная, подчиненная прагматичность. Вполне возможно, что ключевым дефицитом в будущем будет дефицит жизненных смыслов, и тогда религиозно-антропологические проекты получат несомненное преимущество.

Для России особенно опасной является центрация на ценностях сходящего со сцены социально-антропологического проекта «Человек знающий» (проект «Просвещение»), с акцентом на естественно-научное и инженерно-техническое знание, в свое время послужившее основой индустриального прорыва страны. В силу невозможности воссоздания полномасштабной индустриальной экономики (обеспечивающей трудоустройство выпускников) или хотя бы организации глобального экспорта такого образования, подобная центрация будет означать формирование ложных целей, приведет к растрате средств и главное — потере темпа в процессах модернизации образования и страны в целом. Такой сценарий весьма вероятен, поскольку часть образовательной бюрократии и профессионального образовательного сообщества ориентированы на восстановление «лучшего в мире образования» по «советской» модели.

Трансформации высшего образования в развитых странах

Ситуация с высшим образованием в развитых странах, которое сейчас выступает основным ориентиром, возможным, но не обязатель-

ным образом будущего для российского высшего образования, определяется следующими взаимосвязанными тенденциями:

1. *Прагматизация и утилитаризация образования.* Исчерпание энергетики социально-антропологического проекта «Просвещение», ориентированного на идеал человека как носителя разума и знаний, привело к прагматизации и утилитаризации образования. Образование отказалось от миссии поддержки становления человека, передачи смыслов и ценностей — проявленности трансцендентного в человеческом мире, формирования картин мира, освоения парадигм мышления и деятельности.

Крайним выражением прагматизации является утилитарное образование, ориентированное на передачу ситуативно полезных (но не «фундированных» в картинах мира или парадигмах) знаний и операциональных навыков. Его результат — «человек операциональный», редуцированный до выполнения операций. Вопросы смысла жизни, культурной идентичности, социальной связности остаются вне внимания и ответственности образования.

Позитивным вариантом прагматизации образования является переход от освоения систем знаний к освоению деятельности — в зависимости от уровня образования это будет освоение пакетов операций или освоение целостных парадигм деятельности. В плане образовательных технологий это означает преобладание проектных, тренинговых и других форм, обеспечивающих возможность пробной деятельности, в отличие от усвоения знаний. Образовательные программы создаются в сотрудничестве с крупными компаниями, в ряде случаев обучение ведется по образовательным программам, подготовленным самими компаниями.

2. *Модернизация государства — политика снижения издержек.* Новая ситуация сложилась в результате межстрановой конкуренции в конце XX в.: 1) с разрушением Советского Союза закончилось идеологическое противостояние социалистической и капиталистической систем, ранее принуждавшее государства и корпорации во всем мире разворачивать социальные программы и идти навстречу профсоюзам; 2) старение населения, растущие расходы на пенсионное обеспечение и здравоохранение «основных избирателей» привели к росту социальных обязательств развитых государств до критического уровня; 3) выход на сцену новых «фабрик мира» — Китая, Индии и стран ЮВА — привел к увеличению экономической конкуренции и

сделал необходимым снижение экономических и социальных издержек.

Эти процессы стимулировали сокращение социальных обязательств государства, включая снижение государственных (общественных) вложений в образование и перекладывание бремени образовательных расходов на человека (семью). Образование перестало быть государственным (общенациональным) проектом, ключевым «заказчиком на образование» становится человек с доступным ему горизонтом планирования и соответствующей мерой ответственности за будущее. Платность образования способствовала повышению ответственности студентов за результаты обучения, в России же она фактически породила продажу дипломов.

Политика снижения издержек привела к компактизации и упрощению образовательных программ (нужно оставить лишь безусловно полезное и востребованное) и поиску более дешевых форматов и технологий обучения, включая различные формы «бесконтактного» обучения. Университеты превратились в супермаркеты по продаже образовательных услуг, оперативно реагирующие на изменяющиеся запросы «покупателей».

3. *Высшая школа как инструмент международной конкуренции.* Начал формироваться глобальный рынок образовательных услуг, высшее образование стало международным бизнесом, а экспорт образовательных услуг — значительным сектором экономики государств. Современные университеты становятся средством притяжения молодежи из широких образовательных ареалов, ее отбора, общекультурной и профессиональной подготовки. Образовательная миграция позволяет странам со «стареющим» населением и его естественной убылью (Европа, Канада и др.) поддерживать численность населения и обеспечивать высокое качество человеческого капитала.

Выделяются лидирующие университеты, которые специализируются на подготовке магистрантов и за счет интеграции исследований и обучения предоставляют уникальное «брендовое» образование; на базе таких университетов формируются мировые «центры превосходства», концентрирующие кадры, идеи и технологические разработки. В ближайшие 10 лет прогнозируется международная специализация стран по направлениям и уровням образования [29]. (Индия может стать мировым центром подготовки бакалавров по информационным и инженерно-техническим направлениям, а США и страны Европы, сбросив груз массовой стартовой подго-

товки, смогут сконцентрироваться на образовании магистров и аспирантов, в сочетании с R&D.)

Университеты-лидеры формируют особый класс профессионалов, способных стать лидерами технологического и организационного развития компаний, государственных и муниципальных структур. Страны, не способные сформировать и поддерживать университеты подобного класса, будут вынуждены импортировать технологии управления бизнесом, государственными и муниципальными структурами, технологические новшества и потребительские форматы, что в определенной мере приведет к утрате национального суверенитета. Региональные университеты, не попадающие в мировую университетскую элиту и не входящие в международные сети, будут низведены до крупных профтехучилищ, довольствуясь преподавателями сравнительно низкого уровня и наименее способными и подготовленными студентами.

4. *Смена социальных позиций относительно образования.* Происходит переоценка образования: с одной стороны, люди массово стремятся получить высшее образование, а с другой — образование воспринимается как нечто прагматическое, как определенный тип личных инвестиций. Происходит «десакрализация» образования, статус преподавателей падает до статуса работников сферы услуг, снижается мотивация молодежи к образованию.

Изменяется набор и содержание социальных позиций в отношении образования: государство отходит на позиции «дирижера», задающего общие правила игры (например, образовательный кредит); вуз превращается в бизнес-единицу, предоставляющую услуги; учащиеся вынуждены брать ответственность за постановку образовательных целей и за образовательные результаты; бизнес берет на себя «доводку» бакалавров в корпоративных учебных центрах; широко распространяются неинституциональные формы образования, что стимулирует появление квалификационных центров; появляется значительная группа людей, получающих второе высшее образование или дополнительное образование, проходящих переподготовку или целевую подготовку; выпускник общеобразовательной школы становится не единственным и даже не основным типом учащегося высшей школы.

«Взрослые» учащиеся или иностранные студенты предъявляют особые требования к высшей школе; университеты, не способные сформировать для них адекватное предложение, отходят на вторые роли.

Освоение новых позиций и ролей, формирование новых правил и норм, установление новых консенсусов и формирование новых управляющих контуров будут составлять главное содержание «кризиса образования».

5. *Технологическая трансформация высшей школы.* В ближайшие 20 лет широко распространение получают электронные устройства памяти, интегрированные с человеческим мозгом; фармакологические препараты, стимулирующие мозговую деятельность; универсальные voice translators, снимающие проблему языкового барьера; трехмерные электронные симуляторы, позволяющие организовать обучение сложным манипуляционным действиям [26, 30, 31].

В образовании произойдет замещение классических лекционно-семинарских форматов современными проектными, дискуссионными, поисковыми, предполагающими высокую степень самостоятельности и активности обучаемых; будет преобладать установка на формирование компетенций, массовое использование информационно-коммуникативных технологий и электронных образовательных ресурсов.

Произойдет переход от индустриальных к постиндустриальным форматам организации исследовательской деятельности. Индустриальные форматы — это мощные (в плане кадров и оборудования) фабрики знаний, идей, инноваций, функционально организованные, с выстроенным маркетингом научной продукции. Высокая стоимость уникального оборудования и кадров мирового уровня приводит к тому, что такие фабрики четко строят позиционирование и определяют тематику исследований из анализа конкурентного поля и запросов потребителей знаний и технологий, подчиняя познавательный интерес ученого бизнес-логике.

Постиндустриальные форматы — это новые когнитивные институты: исследовательские сети, «невидимые колледжи», виртуальные лаборатории, которые позволяют гибко организовывать ресурсы различных институций (университетов, НИИ, промышленных лабораторий и др.) для реализации прорывных проектов в сфере науки и технологий.

Важно заметить, что в России все еще преобладают доиндустриальные форматы исследований, своего рода ремесленные мастерские производства знаний. Формирование новых когнитивных институтов индустриального и постиндустриального типа тормозится низким уровнем социальной связности интеллектуалов и чрезвычайно слабым менеджментом в интеллектуаль-

ной сфере. Поэтому одной из важнейших задач при оформлении новой генерации университетов (федеральных, национальных исследовательских) является трансформация их корпоративной культуры [8].

Сценарные варианты развития высшей школы в России

Сценарные варианты развития высшей школы в России сформулированы на основе обзора публикаций [4, 12, 14, 18, 20, 21, 24], а также анализа экспертного знания. Аккумуляция и анализ экспертного знания проводились в рамках форсайт-исследования будущего сферы образования, с использованием как классических методик, так и вновь разрабатываемых («Анти-Делфи») [27]. В качестве экспертов были привлечены преподаватели высшей школы г. Красноярска и ученые Сибирского отделения РАН, имеющие опыт работы (исследовательской и преподавательской) как в России, так и в зарубежных университетах (США, Великобритания, Китай, Германия).

Эксперты отмечают, что изменения в сфере высшего образования в России будут происходить под влиянием глобальных тенденций развития высшего образования. При этом важной будет позиция органов государственной власти и профессиональных сообществ: пассивное следование изменениям (пассивно-защитная реакция) либо активное использование новых возможностей.

Основными глобальными тенденциями, задающими внешние условия и ограничения для спектра возможных сценариев, являются:

- глобальный постиндустриальный переход, формирующий международное разделение труда: страны и регионы занимают места в доиндустриальной, неоиндустриальной, постиндустриальной социально-экономических нишах, при этом национальные экономики нуждаются в разных по типу, по уровню подготовки профессиональных кадров системах образования;
- интернационализация высшего образования, международное разделение труда, специализация стран на разных уровнях и типах профессионального образования, международная конкуренция в образовании. Формирование мировых образовательных ареалов на основе родственной близости языков и культур.

Основной «линией разлома», относительно которой будут определяться сценарии трансформации российского высшего образования,

является разрыв между экономикой страны (соответствующей потребностью в кадрах) и системой подготовки кадров (структура, содержание и форматы образования). В случае увеличения разрыва между экономикой и образованием будут увеличиваться «фиктивность» и «фальсификация» образования⁴, что ускорит его деградацию.

В каждом представленном сценарном варианте определяется версия будущей экономики и версия будущего образования в России.

Сценарий 1. Образование для ресурсодобывающей, индустриальной экономики. В экономике происходит дальнейшее сворачивание высоко- и среднетехнологичных производств, редукция экономики страны к нескольким ресурсодобывающим отраслям и обслуживающим их производствам (геологоразведка, транспорт, ремонт оборудования и др.). Более 60 % занятых работают в области торговли и услуг, причем эти сферы вторичны и имитативны (продукты, услуги, форматы деятельности не создаются, а импортируются). Существует узкий сектор высокотехнологичных производств, который не определяет характера экономики как целого.

Избыточность и фиктивность высшего образования преодолевается через его прагматизацию и компактизацию. Профессиональное образование, сокращенное по времени и по объему, включает: 1) общекультурную компоненту, необходимую для формирования социальной адекватности молодежи в «городской экономике»⁵ и для дальнейшей (при необходимости) перепрофессионализации; 2) четко определенную и компактную профессиональную компоненту, достаточную для подготовки персонала, ориентиро-

ванного на выполнение определенного перечня функций.

Образование, направленное на подготовку исследователей, проектировщиков, разработчиков инноваций, слабо развито в силу отсутствия внутреннего спроса. Потребности экономики и управления в новых знаниях и технологиях удовлетворяются за счет импорта: инновационных продуктов (покупка готовых идей, технологий, оборудования); образовательных услуг (обучение за рубежом и в российских филиалах зарубежных университетов); кадров (приглашение зарубежных специалистов — менеджеров, инженеров, конструкторов и др.).

Возможна версия, когда небольшая часть российских университетов после модернизации начинает готовить специалистов мирового уровня. При этом в стране будет сформирована «образовательная миграционная труба»: обучение талантливой молодежи в элитных вузах будет служить в основном трамплином для эмиграции в развитые страны, дающей возможность профессиональной самореализации в высокотехнологических отраслях, участия в передовых исследованиях и разработках [7]. С другой стороны, российские вузы могут стать международными «техникумами», обучающими мигрантов из бедных стран с избыточным населением (Средняя Азия, Кавказ); ключевой задачей такого образования будет обучение молодых людей русскому языку, социальным нормам и основам профессий.

Сценарий 2. Образование для будущей России. Политическими элитами, бизнесом, обществом вырабатывается и реализуется страновой проект — «Будущее России»⁶, охватывающий экономику, социальную сферу, науку, образование. Проводится upgrade системы социально-политического управления, включая обновление «общественного договора» [21]. Осуществляется выборочная модернизация традиционных индустриальных отраслей, необходимых для обновления жилищно-строительной и транспортной инфраструктуры страны. Производится запуск ограниченного числа новых, конкурентоспособных отраслей, формируется сектор современных исследований и разработок для внутреннего и внешнего рынков. Это приводит к созданию сектора интеллектоемких деятельности, обеспечивающих возможности профессиональной

⁴ Многие эксперты считают основной проблемой высшего профессионального образования в России фиктивность, без преодоления которой невозможна модернизация программ и образовательных технологий. Фиктивность означает, что студенты делают вид, что учатся, а преподаватели — что учат. При этом все участники образовательного процесса понимают, что большинство из транслируемых знаний не будет востребовано в профессиональной деятельности. Процесс образования, ядром которого является освоение профессионального мышления и сложных форм деятельности, заменяется трансляционными лекциями и дисциплинарно-контрольными мероприятиями (кредитно-модульные системы, массовое тестирование и др.). В образовании массовым становится покупка, копирование из Интернета контрольных, курсовых и дипломных работ, совершенствуются технологии списывания, происходит прямая покупка зачетов, экзаменов и дипломов.

⁵ Термин «городская экономика», обозначающий сферу услуг в городах, для работы в которой достаточно «общего высшего образования», использовался Я. И. Кузьминовым в работе [11].

⁶ Обсуждаемые варианты: «Космос + атом», «Россия — форпост человечества в Арктике», «Россия — трансевразийский мост» и др.

самореализации высокообразованной молодежи. Инновационная политика включает в себя поддержку ряда выделенных стратегических инноваций и стимулирование диффузных, локальных инноваций, обеспечивающих поступательные изменения во всех сферах социальной и хозяйственно-экономической жизни общества.

Экономика страны будет представлять собой комплекс отраслей, в котором одни играют роль «дойных коров» (ресурсодобывающие отрасли, которые могут быть свернуты в долгосрочной перспективе); другие — роль «звезд», которые задают новое позиционирование страны в глобальной экономике.

Важно, что страновой проект придаст ценность и прагматический смысл высшему образованию, избыточному по отношению к текущему состоянию экономики. При этом высшая школа будет строиться как работающая на будущее, причем в двух взаимосвязанных аспектах: 1) подготовка кадров для будущего; 2) исследования и разработки для развертывания странового проекта.

В этом случае фиктивность высшего образования преодолевается за счет разделяемого обществом (и воспринимаемого как реалистичный) образа будущего, задающего как ориентиры для содержания и технологий образования, так и личную мотивацию для образования. Энергетика странового проекта позволяет сохранить трансцендентный, не утилитарный смысл образования, сохранить в его содержании мировоззрение и научные картины мира, сложные формы мышления и деятельности. Такое кажущееся избыточным образование оказывается уместным и с точки зрения общества (готового идти на издержки), и с точки зрения обучаемых⁷. Наличие внятного странового проекта может существенно изменить существующую миграционную ситуацию, сделать Россию привлекательной для активной, мобильной молодежи из других стран.

Сценарий 3. Образование в ситуации неопределенности. Продолжающаяся неопределенность в отношении стратегических перспектив страны, «паралич воли» у ключевых субъектов развития будут способствовать появлению разрозненных, конкурирующих проектов, не объединенных общей рамкой странового проекта. При этом в соответствии с политической и интеллектуальной модой запускаются различные проекты — реформа отдельных сфер социальной

жизни; создание «инновационных городов»; строительство особых инфраструктурных или промышленных объектов («чудес света»); создание вузов с особым статусом и др.

В качестве разовых несистемных действий, реализуемых вне общей долгосрочной стратегии, данные проекты не продвигают экономику и общество, а ведут к распылению ресурсов между различными группами, лоббирующими данные «акции». В отсутствие долгосрочной и последовательной стратегии в высшей школе в массовом порядке сохраняется фиктивный характер образования, который маскируется «международными достижениями» отдельных вузов; отдельными кадровыми заказами ресурсодобывающих компаний; перспективами нанотехнологических и биомедицинских прорывов.

Сценарий 4. Новые вызовы образованию («Дикая карта»⁸). Возможность нового глобального социально-антропологического проекта, сопоставимого по значимости с проектом «Просвещение», обеспечившего прохождение индустриальной фазы развития человечества (урбанизации, всеобщей грамотности, распространения знаний), возможно в случае глобальных вызовов человеку и человеческой цивилизации.

Новая когнитивная фаза развития человечества (и соответствующий ей социально-антропологический проект) может быть инициирована ситуацией актуального выхода человечества на ограничения возможностей человеческого сознания и мышления. Выход на границы человеческого интеллекта может быть спровоцирован маловероятным, но чрезвычайно значимым событием — столкновением человечества с иными развитыми формами сознания и мышления.

Другая ситуация, более вероятная, но менее драматичная, может сложиться уже в следующих десятилетиях, когда искусственный интеллект, существующий в виде компьютерных программ, превысит интеллектуальные возможности человека. Это сделает возможным вытеснение человека из сфер интеллектуальной деятельности. На следующем шаге возможно появление «коллективного сознания» искусственных интеллектуальных систем, обретения ими функции целеполагания и воли.

⁷ По оценке экспертов, подобная ситуация существует в настоящее время в высшей школе Китая, реализующей неиндустриальный страновой проект.

⁸ В практике форсайт-исследований под «дикой картой» понимается неожиданный, маловероятный, но очень мощный и значимый фактор, способный самым серьезным образом изменить ситуацию.

При реализации любого из сценариев, безусловно, сохранится заказ на высшее образование от домохозяйств — высшее образование «для жизни», а не для профессии. Но в рамках представленных сценариев данный заказ на высшее образование будет различаться по содержанию и работать на разные результаты:

— в первом сценарии личная образовательная мотивация заключается в использовании качественного образования для эмиграции (из малого города в мегаполис, из регионов в столицу, из столицы за рубеж);

— во втором сценарии образование понимается как поиск человеком своей собственной уникальной судьбы, связанной с перспективой страны и общества;

— в третьем сценарии личная заинтересованность в образовании будет связана с «внутренней эмиграцией» в интеллектуальный и духовный оффшор, обустройством своего личного мира, дистанцированием от проблем общества и страны.

Обозначенные выше контексты создают сценарную развилку для федеральных и национальных исследовательских университетов:

1. Создание университетов с особым статусом может ограничиться объединением вузов, дополнительными финансовыми вложениями в инфраструктуру 20–30 университетов. Отдельные из них войдут в глобальные рейтинги университетов, их научные школы станут лидерами в ряде областей науки и технологий. Данные вузы смогут служить предметом гордости, однако не продвинутой высшую школу в целом.

2. Федеральные и национальные исследовательские университеты могут взять на себя роль особых креативных и коммуникативных площадок, на которых: а) формируется новый социально-антропологический проект, соотношенный с проектом модернизации страны, и запускаются новые когнитивные практики; б) разрабатываются новые образовательные парадигмы, технологии, содержание образования; в) формируется русский образовательный ареал.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / В. Л. Инноземцев (ред. и вступ. ст.). М. : Академия, 1999. 956 с.

2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.

3. Бэкон Ф. Новый Органон // Собр. соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1972. Т. 3. 574 с.

4. Высшее образование в России : аналит. докл. / кол. авт. под рук проф. В. Л. Глазычева [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: http://www.glazychhev.ru/projects/obrdocl/2004_obrdocl.htm

5. Галушкина М., Княгинин В. Массовое, гибкое и интернациональное [Электронный ресурс] // Эксперт. 2005. № 43 (489). URL: <http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/43/43ex-obraz>

6. Генсаретский О. И. Культурно-антропологическая перспектива // Собр. соч. : в 2 т. М. : Аргус, 1995. Т. 2 : Иное. Хрестоматия российского самосознания.

7. Дежина И. «Утечка умов» из России: мифы и реальность // Демоскоп-weekly. 2002. 31 марта, № 59–60.

8. Ефимов В. С., Лантева А. В. Корпоративная культура — инструмент развития университета // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 1 (65). С. 23–29.

9. Зуев С. Э. Несколько замечаний к понятию «рынок культуры» // Программирование культурного развития: региональные аспекты. М. : РИК, 1993. Вып. 2. С. 59–68.

10. Кислов А. Г. Университет эпохи постмодерна // Университетское управление: практика и анализ. 2007. № 3 (65). С. 18–24.

11. Кузьминов Я. И. Наши университеты // Там же. С. 8–17.

12. Коалиции для будущего: стратегии развития России / кол. экономистов «СИГМА». М. : Промышленник России, 2007. 112 с.

13. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир : докл. Нац. развед. совета США. М. : Европа, 2009. 188 с.

14. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? : докл. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 78 с.

15. Огурицов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : РХГИ, 2004. 520 с.

16. Перелескин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. : АСТ ; Terra Fantastica, 2007. 619 с.

17. Попов А. А. Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности : монография. Томск : Бия, 2008. 279 с.

18. Постиндустриальный переход в высшем образовании России: на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ / под рук. В. Н. Княгинина. СПб. : CORVUS ; Фонд «Центр стратегических разработок “Северо-Запад”», 2009. 128 с.

19. Розин В. М. Рефлексия образов и сферы образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.fondgp.ru/lib/mmk/46/#_ftnref16

20. Российское образование — 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях : к IX Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и глобализация», Москва, 1–3 апр. 2008 г. / под ред. Я. Кузьминова, И. Фрумина ; Гос. ун-т — Высш. шк. экономики. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 39 с.

21. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М. : Экон-Информ, 2010. 66 с.

22. Форсайт-проект «Детство — 2030» [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.detstvo2030.ru>

23. *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. М. : Политиздат, 1991. С. 195–206.

24. Цели развития тысячелетия и национальные проекты — стратегический выбор России. М. : Ин-т комплекс. стратег. исслед., 2006. 32 с.

25. *Щедровицкий П. Г.* Очерки по философии образования / Пед. центр «Эксперимент». М., 1993. 154 с.

26. *Donoghue J. P.* Connecting cortex to machines: recent advances in brain interfaces // *Nature Neuroscience*. 2002. Vol. 5. P. 1085–1088.

27. *Efimov V. S., Lapteva A. V.* Practices of Exploring the Future: Russian Foresight // *Journal of Siberian Federal*

University. Humanities & Social Sciences 1. 2009. Vol. 3. P. 143–153.

28. Global Monitoring Report on EFA (Education for All). United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2010. 45 p.

29. Higher Education to 2030. Vol. 2 : Globalization. OECD, 2008. 302 p.

30. *Hochberg L. R., Serruya M. D., Friehs G. M. et al.* Neuronal ensemble control of prosthetic devices by a human with tetraplegia // *Nature*. 2006. Vol. 442, 13 July. P. 164–171.

31. *Serruya M. D., Hatsopoulos N. G., Paninski L. et al.* Brain-machine interface: Instant neural control of a movement signal // *Ibid.* Vol. 416, 14 March. P. 141–142.

